

Бойко А.И. д.ю.н., профессор,
профессор кафедры уголовно-правовых
дисциплин ЮРИУ РАНХиГС
22.03.2024, 12-30

Текст выступления

на тему «Искусство науки» для «Долговских чтений»
(IV научно-практическая конференция «Методология и методика
проведения криминологических исследований и экспертиз»)

**Добрый день, уважаемые Виктор Викторович
и всё электронное присутствие!**

Спасибо руководству РКА им. А.И. Долговой за приглашение и кредитное доверие мне в части содержания предстоящего выступления. Ознакомившись с Программой слушаний, осознаю, что я со своей темой выгляжу инородным телом, некоей *gaia avis*. Тут на память приходит ассоциация с американской теледивой, которая после посещения пенитенциарного учреждения США на вопрос журналистов, каковы её впечатления от спецконтингента и условий содержания заключенных, ответила: «Я чувствовала себя как чернобурка в меховом магазине». Я начинаю свои рассуждения с подобными ощущениями.

1. Поэтому прошу по возможности принять благосклонно появление в эфире человека, постоянно обретающегося в области *уголовного права*, но решившегося распылять свои знания или предубеждения для специалистов *криминологии*, да ещё и в свете очень высокой для наших отраслей материи – *искусстве*. Но я не напрашивался, а приглашён на встречу с вами руководством Ассоциации; смею думать, после прослушивания моей открытой лекции на эту же тему, состоявшейся 19 февраля с.г. При первом разговоре на сей счёт в конце февраля, после высказывания приличествующих ситуации сомнений и оговорок, я всё-таки смалодушничал и предложение принял. Правда, первоначально речь шла о повторении двухчасовой лекции, затем время выступления было сокращено до 20-25 минут, а во вторник объявлено, что у меня для обольщения вашего собрания всего 12 минут. Беда с таким лимитом. Но тут должно действовать правило о фольклорном грузе и кузове для него, которое много веков назад в исполнении восточных русичей звучало в словах «в шеломе уже поздно схватки бежать». Придётся рассуждать сегодня тезисно и в пулемётном немецком темпе.

2. Мысль о необходимости обращения современных отечественных юристов к запасникам и технологиям культуры и искусства явилась ко мне не вчера и не на эмоциональной подушке. Около 15 лет я даже разработал устав Интеллектуального клуба «Искусство науки» (запасное название, прошу оценить, – «Пир духа») и отложил задуманное на антресоли памяти до осени 2022 года. С 30 сентября того года по 16 мая 2023 года (почти за 8 месяцев) я попытался поднять культурный фон юридической мысли

посредством организации и проведения 3-х Всероссийских Круглых столов с международным участием, последовательно посвящённых языку уголовного закона, личности в науке и уголовному праву как феномену культуры. А теперь вот вторично покушаюсь на высший пласт культуры – искусство с тем, чтобы обсудить допустимость использования его идеалов, вкусов и технологий для оживления и очеловечивания правоведения. О том сегодняшней преступно краткий разговор. Объявляю сразу следующее: я буду исходить из того, что **стремление к прекрасному и изяществу присуще всем слоям общества и неуничтожимо даже в критические периоды** (вспомним хотя бы исполнение в блокадном, вымирающем, но не сдающемся Ленинграде 7-ой симфонии Дмитрия Шостаковича), **а удовлетворяют эти страстные порывы в основном и наиболее привлекательно мастера искусств.**

3. По привычным и в подавляющем большинстве случаев не порицаемым канонам исследований они начинаются с краткой определённости содержания тех явлений или понятий, возможности и полезность взаимодействия которых предстоит оценивать. Я не буду «грузить» вас или, не дай Бог, гипнотизировать справочными данными из словарей об искусстве и науки. Ограничусь собственными краткими суждениями. Если наука бесстрастно изучает действительность с заявлением строгого акцентированного выводного знания, правил его реализации в практике и прогнозов эволюции, то искусство представляет собственное видение художниками слова, кисти, резца, смычка и т.д. не всей, а лишь отдельных фрагментов действительности, причём в запоминающейся привлекательной форме и с делегированием потребителю творчества права самостоятельно судить, что прекрасно и достойно преклонения, а что подлежит отвержению. Бог науки – это строгий разум, а искусства – самолюбивые чувства, цель науки – истина, а искусства – прекрасное, наука ставит на рациональное сознание, а искусство – на вольные впечатления и эмоции, наука жизнь изучает, а искусство – её показывает.

4. На этой основе выдвинем два предположения: *первое* – о принципиальной совместимости науки и искусства, ведь предмет отражения у них бывает один, а различие подходов и методов к его отражению и познанию есть свидетельство все(разно)сторонности, которая ни в одной области пока не опозорилась; *второе* – существует преимущественная **потребность науки в искусстве, но не наоборот** – ведь поэты, художники, музыканты вовсе не нуждаются в знании аксиоматических закономерностей природы и человечества, но аскетичной науке потребны привлекательные приёмы сбыта продуктов своего труда. Вот и прибегают правофланговые сциентизма к публицистике, творческим эссе, откровенным мемуарам, освобожденным от тягомотных формул, аргументов, цитат и сравнений. Таковы правила маркетинга в социуме, особенно потребительском: ежели твой полезный, технологичный и доступный по цене «товар» выглядит непрезентабельно, вызывающе не упакован и не снабжён наглой рекламой, лежать ему на пыльном складе.

5. Но всё-таки. Принципиальной совместимости предмета внимания у искусников и юристов, а равно правил хищного рынка может быть и недостаточно для увлечения правоведов другой, пусть и более привлекательной системой восприятия и оценки жизни. Помните отечественный, непотопляемый, в исполнении большинства искренний, у кого-то ироничный выкрик XIX века: *«нам конституции не надо! Мы и без них проживём!»*. Однако, перед тем, как привести дополнительные доводы в пользу заимствования нами хотя бы части сервировки и гигиены стола служителей муз, назовём причины обратного порядка, приведшие к современному непритязательному состоянию юридической мысли, её речевой и текстовой форм.

Разобьём препоны развитию эстетической привлекательности правоведения на несколько разрядов:

а) **объективные** – право является типовым (шаблонным и пресным) орудием управления, рассчитанным на повторяющиеся ситуации и человека среднего пола, национальности, ума и т.д., и с этим ничего не поделаешь; допущенное государством поголовное юридическое образование, за которым безальтернативно последовало повальное остепенение тех людей, которые «больше написали, чем прочитали», плюс громадное имущественное расслоение по итогам криминальной приватизации породили атомизацию населения, недоступность раритетов искусства для прикосновения к ним «низов», что вкупе с т.н. «культурой потребления» привели к бесчувственности и духовному растрению суперпрагматичного общества (Ю.М. Соломин):

б) **субъективные** (или рукотворные) – упоение политическим либерализмом и его штампами вместо невинного просветительства; вторая «смерть» многослойной афористичной крылатой латыни (М.И. Ковалёв), точно случившаяся по нашей вине; организованный «свыше» пропуск в наши «внутренние» (национальные, этнические, коммунальные) покои протестантского эгоизма или духовной отравы (приоритет личного интереса над общественным, прославление прав и свобод при забвении обязанностей) подарили нам юридическую пандемию и отраслевую автаркию, нравственную одичалость, стандартизацию чувств и чрезмерную рационализацию социальной мысли;

в) **отраслевые** – принуждённое жить с одним «источником разума» или эталоном (текст УК) уголовное право стало пользоваться только аксиомами и практически не пользуется презумпциями – этими «почками роста» свежего и потому привлекательного знания... Будем честны: тексты и лекции нынешних юристов в силу множества причин не доставляют «эстетического удовольствия» ни нам, ни обучаемым, но последние принуждены демонстрировать лояльность нашим аудиторным и письменным поучениям лишь в силу статуса повинного сословия, которому предстоит сдача экзаменов и зачётов преподавателям. Мне даже кажется, что нынешнее образовательное чиновничество требует от авторов курсовых и дипломных проектов ссылаться на научную и учебную литературу только последних 5

лет исключительно по той причине, чтобы студенты, не дай Бог, не ознакомились с книгами юристов позапрошлого века и лично не удостоверились в безвкусице и примитивизме современных оракулов с купленными научными степенями и званиями. Спаси и помилуй!

Надо сказать, что криминология менее заражена шаблонностью и неказистостью по сравнению с уголовно-правовой наукой, зажатой в проверке рациональности и осуществимости своих идей текстом УК. Элементы эвристики (а затем уже изящества) в криминологической области, на мой взгляд, порождаются Вашей профессиональной привычкой следить за постоянными крутыми социально-экономическими и политическими кульбитами (*«если вы не смотрите телевизор и не материтесь, значит, вы не любите свою страну»*), умением налагать на них, сопоставлять с ними статистические и социологические данные о тенденциях и колебаниях преступности, причём в приоритете д.б. труднообъяснимые расхождения. Поскольку криминология – самая опасная для властей и общественного самосознания, а потому самая ответственная и полезная область знания, требующая, помимо прочего, организационной крепости (РКА), она должна уметь защищаться, уходить от критики, доставляя властям и населению свои оценки, выводы и прогнозы не только в логичной, но и в изящной упаковке.

б. Отвечая на вопрос журналиста о препятствиях и трудностях литературного творчества, Э. Хэмингуэй ответил так: **«писателям мешает вино, деньги и женщины... А также отсутствие вина, денег и женщин»**. Получается, что одни и те же обстоятельства не только мешают, но и способствуют той или иной творческой деятельности. Так и в нашем случае. Поскольку же метроном типа таймера на взрывателе грозно тикает на столе руководителей конференции, просто назову их почти без комментариев:

а) нынешнее искусство в силу давления рынка почти превратилось в ширпотреб (П.А. Вяземский, XIX век – *«дворянство омещанилось, но мещане не одворянились»*; А.И. Бойко, XXI век – *«культура опопсилась, но попса не окультурилась»*). Разумеется, разочарование прошлым и отчуждение от него на уровне классического искусства не может длиться вечно; увлечение масс дурным и безвкусицей схлынет так же стремительно, как и нахлынуло на обывателей. По нетленному правилу *«до греха она была чертовски хороша, а после искушения её привлекательность враз исчезла»*. А мораль для нас такова: перманентное падение уровня классического искусства служит шансом для несанкционированного поглощения его остатков казённой юриспруденцией и повышения ею собственной духовной привлекательности (по правилу **«на безрыбьи и рак рыба»**).

б) аксиологическая теория критериями ценности всех и любых природных и социальных объектов, процессов и явлений почитает, помимо необходимости и полезности, ещё и **приятность** или эстетику. Необходимость и полезность уголовного права признана по умолчанию, а вот связанное с ними свойство приятности почему-то пока не замечается и акцентировано не приветствуется;

в) естествоведы или «физики» как суперрациональные люди, изучающие бесчувственные природные закономерности, уничижительно высказываются о нас – гуманитариях или «лириках», но сами не чужды устремлениям к прекрасному (Б. Рассел, А. Эйнштейн, Ю. Харитон);

г) допустимость опоры на «иностранное» искусство бесчувственной юриспруденцией *косвенно* можно оправдать и тем, что мастера прекрасного удачно культивируют совмещение двух муз (П.А. Федотов а вернисажах великолепно пояснял собственными стихами сюжет и детали своей самой известной картины «Сватовство майора»);

д) в юридической науке последних лет пробивается предложение о включении в методический аппарат правоведения **эмпатии** – установки на сопереживание, понимание эмоций других людей¹. И т.д., и т.п.

7. Коллеги! Пришла пора объявить, какие же универсальные установки и частные технологии искусства, мотивы стремления к прекрасному могли бы мы задействовать юристы в своём творчестве. На наш взгляд, ориентацию и механизмы труда творцов прекрасного допустимо дифференцировать на **три группы**:

а) *во-первых*, личные позывы к творчеству, появляющиеся неожиданно, без приглашения и действующие на грани бессознательного – **воображение, интуиция, озарение, наваждение, наслаждение...** Но «от бочек не родятся Диогены», а поэтому;

б) *во-вторых*, для результативного созидания прекрасного нужна постоянная тяга и внутренняя готовность к высокому искусству, а не инстинктивные побуждения к творчеству, потребна постоянная жизнь в кругу высших культурно-духовных ориентаций социума, которые на русском языке обозначаются словами «**вкус**», «**гармония**», «**идеал**», «**изящество**», «**индивидуальность**», «**красота**», «**ценность**», «**эстетика**» и «**эталон**»;

в) наконец, *в-третьих*, творчеству на уровне искусства способствуют различные рукотворные механизмы самовозбуждения, поддержания либо восстановления работоспособности индивидов типа «**ассоциаций**», «**импровизаций**», «**вдохновения**» или «**эвристики**», а равно временные искусственные погружения в некую прострацию, именуемую на разных языках **катарсисом, сатори, нирваной**.

Не надо лишь путать указанные предельные состояния души, вызываемые представителями искусства для самовозбуждения к творчеству либо используемые ими для восстановления работоспособности, с «кайфом» золотой молодёжи, медитациями на сеансах Кашпировского и Чумака, сладкими фантазиями с закрытыми глазами Г. Вицина в фильме «Женитьба Бальзаминова» или кустарными наслаждениями русских помещиков эпохи крепостного права, которые любили, чтобы им «после обеда бабы пятки чесали» (А.П. Чехов).

---

¹ *Трикоз Е.Н.* К вопросу о методах познания права // Современные проблемы правоведения: Сборник научных трудов. – Краснодар: Изд-во Кубан. ун-та, 1998. С. 66.

8. Эстетика пробивается в юриспруденцию или находит отражение в ней посредством: а) нашего перманентного обращения к универсальным категориям и технологиям искусства для получения личного удовольствия; б) попыток творческого объяснения нестандартных правовых ситуаций, разрешение которых невозможно с помощью неуклюжих типовых норм; в) доведения смысла типовых правовых требований до разгневанных потребителей в самой доходчивой, привлекательной и даже изящной форме.

9. **Дорогие друзья!** Я допускаю и даже понимаю, что самый ожидаемый Вами и предположительно самый вкусный фрагмент моего выступления должен титуловаться **«центральным»** и касаться того, как инструментарий, идеалы и вообще практика искусства могут влиять и влияют на одухотворение и конечную эстетику правовой науки. Есть ли заразные примеры подобного порядка в исполнении юристов-криминалистов? Это естественные, но и запредельные, скажу откровенно, ожидания и настроения, поскольку юристы пока являются потребителями, но не производителями прекрасного (в XIX веке в подобных ситуациях они эстетично оправдывались словами «в баталиях не участвовал, никого не покалечил и даже пороха не изобрёл»). Попробуем абрисно или в стиле попури наметить каналы влияния искусства на право:

а) конечно, искусство или творческие позывы, выходящие за пределы традиционного отраслевого «дискурса», в трудах юристов имеются. Пусть простит меня слушатель за вполне прогнозируемые упущения в фаланге имён правоведов, прославившихся заметными порывами к искусству, но я бы отнёс к «художественным» или с «большим привкусом искусства» труды **Эдуарда Эрастовича Перцова** («Искусство брать взятки»), **Петра Сергеевича Пороховщикова** («Искусство речи на суде»), **Александра Григорьевича Звягинцева** (множество книг, талантливо популяризирующих антикриминальную практику), **Анатолия Валентиновича Наумова** («Посмертно подсудимый» – о судьбе А.С. Пушкина), **Валерия Григорьевича Беляева** («Уголовное право. Заметки доцента»), **Никиту Георгиевича Иванова** («Беседы о преступлении и наказании в пределах уголовного права и не только, умножающие скорбь»), столичного художника **Алексея Меринова** (за талантливые и весёлые иллюстрации к Уголовному кодексу РФ)...;

б) невозможно удержаться от того, чтобы не отметить важность и огромное эстетическое воздействие на участников различных конференций юристов *исчезающего искусства публичных профессорских пикировок*. Лично я испытывал несравненное наслаждение от подобных сценических выступлений неперменных членов президиума множества научных собраний, заслуженных деятелей науки РФ, профессоров **М.М. Бабаева** и **В.Е. Квашиса**;

в) один из кумиров общественной мысли России недавнего прошлого отметился саркастическими словами **«Подскажите правила хорошего думания»**. Этим он как бы обязывает меня предложить хотя бы некоторые ориентировочные меры по повышению эстетической привлекательности

юридической науки. Рискну: 1) пробное введение в качестве минимального требования к диссертациям практики вкрапления в их тексты латинских изречений или аннотаций на латыни; 2) условие принятия на работу в вуз профессора юриспруденции – чтение открытой лекции на заседании Учёного совета (практика России XIX века); 3) использование в научных исследованиях т.н. максимума «ориентационных полей» юридических и уголовно-правовых знаний из арсенала искусств; 4) изменение структуры и котировки положений на защиту диссертаций (в западных вузах они обязательно дифференцируются на три группы – являющиеся эксклюзивным продуктом мыслительного творчества исключительно автора, вносящие уточнения в уже заявленные позиции предшественников, требующие дальнейшей проработки в доктрине); 5) проведение криминологических экспертиз Национальных проектов и Федеральных целевых программ, посвящённых развитию национальной культуры; 6) искусствоведческая экспертиза образовательных программ и РПД для юристов (аспирантура и магистратура); 7) организационное сопровождение и поддержка усилий индивидуалов и эстетов права (интеллектуальный клуб «Искусство науки» и его основные направления);

г) кухня искусства для криминологической науки точно потребна, хотя бы для определения загадочной латентной доли преступности. Я же, в рамках уголовного права и с обращением к криминологическим законам пытался задействовать технологии создания шедевров прекрасного в таких упёртостях, как: 1) определение фактического числа взяточников в стране посредством деления ежегодной суммы мзды (экспертная оценка Генпрокуратуры) на среднюю сумму взяток по обвинительным приговорам судов (данные ВС РФ) – оно больше, чем жителей Китая и Индии; 2) загадочная ситуация с причинами возбуждения СК РФ уголовных дел в отношении казённых хищников и олигархических мародёров только после того, как последние вывезли украденные авуары за кордон и сами с семьями оказались там – сопоставление объёмов вывезенного и оставшегося в стране капитала со связями указанных персонажей в правоохранительной и судебной системе, количеством иномарок при зданиях РОВД, СК, судов и пр.); 3) расчёты во II томе «Системы и структуры уголовного права» в виде сопоставления медиан санкций УК РСФСР 1960 года и действующего УК РФ по 7 самым распространённым общеуголовным деликтам с коэффициентом преступности по ним за 1959 и 1995 гг., соответственно с надеждой, что хотя бы криминологические данные за последние годы перед принятием Кодексов будут учтены парламентами (надежды не оправдались – разрыв между двумя названными коррелянтами оказался очень впечатляющим).

10. Допустимые выводы: а) искусство науки – то, что противостоит, с одной стороны, задаваемой особенностями юридического промысла казёнщине, а с другой – появившемуся на горизонте «искусственному интеллекту», оно нацелено на «высокое» творчество или такой намеренный выход за рамки банальностей и практицизма, который не противен логике науке и её местоположению в общественной системе разделения труда,

покоится на индивидуальности мыслящего субъекта, стремится к идеальному, отличается изяществом, представляет особую ценность познавательной активности для учёных и социума;

б) насколько простолюдины и учёные грешны, настолько же они и нуждаются в омовении прекрасным. Основные технологии и культовые результаты искусств могут и должны служить очистительной (нравственной и духовной) подушкой сциентизма. Уголовное право же и криминология как канализационный сток социума могут быть превращены в более сносное средство реагирования на преступность посредством добавки в них хотя бы щепотки прекрасного или дезодоранта;

в) прежде говорили: «нельзя научиться хотеть», «кому нравится поп, а кому – его аппетитная попадья», «нет лавки, в которой бы продавался ум»... Добавлю: нельзя купить (даже если захочется или понравилась мысль о подобной «инвестиции») способность к самостоятельному художественному творчеству, но расположение к прекрасному и трансляция этой привычки на рутинный юридический промысел точно облагородит профессиональную деятельность любого правоведа. Культивируемая, пока только отдельными юристами инкрустация статей и речей посредством игривого представления порционных частей текстов и выступлений тонкими афоризмами, а также народными присловьями – сродни услужливому, с замедленным учтивым поклоном открытию двери дома милому для сердца гостю. Ведь «не красота вызывает любовь, а любовь заставляет нас видеть красоту» (Л.Н. Толстой), ведь «лондонские туманы не существовали, пока их не открыло искусство (О. Уайльд);

г) пока юридические исследования в Отечестве отличаются мелкотемьем, тяжеловесным академизмом, метанием между оголтелой критикой законодательства и верноподданнической лирой, но никак не приближаются к творениям Ч. Беккариа и А.Ф. Кони, Н.С. Таганцева и В.Г. Беляева..., одно прикосновение к которым переполняет душу чувствами восхищения прошлым и зависти от искусности прислужников Фемиды и Немезиды тех времён. Да и приказной, трафаретный стиль постановлений Пленума Верховного Суда РФ далёк от изысканности текстов решений и наставлений кассационных департаментов Правительствующего Сената и тем отдаляет перспективу возвращения актам толкования закона высшей судебной инстанцией страны статуса «руководящих» или «обязательных» напутствий;

д) президент США Р. Рейган останется в истории мысли изобретателем неубиваемой сентенции, будто **«все сторонники абортов – люди, успевшие родиться»**. Она пригодна для дискуссии и применения по многим областям общественной практики и научной деятельности, а для завершения нашей беседы может служить противоядием отказу сциентистов от подпитки своего творчества классическим искусством. Будем критически относиться к издателям привилегированных журналов и аттестационным учреждениям науки, культивирующим преклонение перед строгим соблюдением дисциплинарных границ знания и пиетет перед казуистичностью стиля.

11. Апостол Павел учил, что «**девственность не предписывается, а только рекомендуется**». Считайте моё выступление неким «пробничком», декольте или той частью платья, ради которой оно и шьётся, лакмусовой бумажкой для исследования проблем уголовного преследования в свете его максимальной гуманизации – с опорой на эстетические ценности и механизмы их созидания. Ординарный профессор Харьковского университета Леонид Евстафьевич Владимиров, основатель первых в России курсов по обучению журналистов в начале XX века, достаточно убедительно и красиво изложил стратегию движения к этому: «идеальное (или «человеческое») наказание не должно превышать «пределов выносливости людей известной эпохи», иметь перед собой «разумную цель» и не обездоливать, «без совершенно неизбежной необходимости, целые группы людей, тесно связанных с наказанным преступником»². Вот и уголовное право с криминологией постоянно нуждаются в «очеловечивании» – сообразно всё новым условиям окружающей его среды и с опорой на эстетику искусств. Одно «но»: лишь бы «добрые» люди не усмотрели в нашем начинании попытку создания вольнодумной организации типа «Общества предвкушения гармоний будущего» либо «Общества чарующих движения воды», о которых упоминал великий пересмешник России *М.Е. Салтыков-Щедрин*. Лишь бы наши мысли по сегодняшней, самостоятельно поднятой теме не были облихованы в административном порядке. Кстати, во время предыдущей 2-х часовой лекции я даже страховался тем, что на демонстрационном экране постоянно пульсировал маячок **18+** – сами знаете, что означает сей маркер для публичных представлений современных «культурных творений»; да и воспринимается любое действие с такой аттестацией интригующе и заманчивее, вызывает страстные ожидания необычности.

Коллеги! Я не был бы собой, если не завершу выступление соосной теме *эпитафией* – нацеленной на прекрасное, томительной и загадочной, двусмысленной и в чём-то искусной. Вот она, произведённая наблюдательным и чувствительным Е.С. Лец: «**Даже самые красивые и длинные ноги где-то да заканчиваются**»! Потому завершим нашу беседу, пока фантомный михалковский мичман «Криворучко» из телепередачи «Бесогон» не поскребётся в двери аудитории, из которой ведётся трансляция конференции и моего выступления в её рамках.

Спасибо за внимание!

---

² *Владимиров Л.Е.* Уголовный законодатель как воспитатель народа. – М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1903. С. 93.